

Леонид Петрович Крысин

Юра

Я познакомился с Апресяном в 1960-м году, когда он пришел на работу в Институт русского языка АН СССР. Мы оба были молоды (хотя Юра немного старше) и поэтому называли друг друга по именам, а не по именам-отчествам. И навсегда, даже сейчас, в нашей старости, он для меня Юра, а не Юрий Дереникович.

Юра – человек многогранный. И сколько бы ни говорить о разных гранях его характера и интеллекта, нет риска повториться или исчерпать примеры, иллюстрирующие ту или иную грань его личности.

Я хочу сказать несколько слов о таких чертах Юры, которые на первый взгляд кажутся мало совместимыми в одном человеке. Это, с одной стороны, спокойное терпение, терпеливость и терпимость, а с другой, - горячность, страстная непримиримость, крайняя неуступчивость.

Юра необыкновенно терпелив и терпим в общении с друзьями. Вот пример этих его свойств.

Полвека тому назад, в конце марта 1969 года мы вчетвером - Юра, его жена Марина, я и Юрин «походный» приятель Вилен Фельдман - отправились в Хибины в лыжный поход. Мне достались широкие лыжи, принадлежавшие Косте Бабицкому, окантованные металлической полосой и поэтому очень прочные, но довольно тяжелые. Когда мы выгрузились на станции Аппатиты и стали на лыжи, я понял – к сожалению, поздно, - что ходьба на лыжах с тридцатикилограммовым рюкзаком за плечами – это совсем не тот вид лыжного хода, к которому мы, жители равнинного Подмоскovie, привыкли.

В первые минуты я просто не мог двинуть ногами и пойти вперед. Кое-как приноровившись к новому виду передвижения, я поплелся за своими товарищами и, несмотря на приличный мороз, взмок уже на первых ста метрах. Сразу понял, что буду обузой для остальных. Но ни от кого, и прежде всего от Юры, который, естественно, считался капитаном нашей группы, я не услышал ни звука упрёка.

А ведь это были еще цветочки. Когда после ночевки мы подошли к перевалу через Кукисвумчорр (в переводе с саамского: ‘гора рядом с большой долиной’), - вверх по длинному пологому тягуну я двигался сносно. А на спуске кувыркнулся так, что лыжи летели в одну сторону, очки в другую, рюкзак в третью, а я зарывался глубоко в сугроб. И так несколько раз. Всё это было бы смешно, если бы мы не были далеко от жилья и от людей. И если б я сломал лыжи или, еще хуже, руку или ногу, несладко пришлось бы не только мне, но и всем нам.

Юра это понимал, но с потрясающим терпением опекал меня, помогая спускаться в долину. И вновь – ни слова упрёка.

В этом же походе я мог наблюдать и другое из упомянутых свойств Апресяна – горячность в сочетании с бесстрашием и настойчивостью.

Поход наш заканчивался, и нам предстояло выбираться к Кировску, откуда можно возвращаться домой уже на поезде. Но до Кировска было километров двадцать пять

заснеженной безлюдной хибинской тундры.

От стоянки геологов, к которой мы подошли, несколько раз в неделю ходил вездеход. В его кузове нам разрешили устроиться.

Долгое ожидание отправки. Наконец, почти на четвереньках приползают трое в дым пьяных водителей. Садятся в кабину, прихватив с собой большую бутылку спирта (который продолжают пить во время движения). Марину мы посадили с ними, потому что в кабине намного теплей, чем в кузове.

Примерно в середине пути мы с Юрой (а Вилен, закутавшись в спальник, безмятежно проспал всю дорогу!) замечаем, что вездеход идет как-то странно: то двигается в одном направлении, то начинает идти обратно, то поворачивает под прямым углом и ползет на невысокие горы, которые окружают абсолютно безжизненную, но какую-то совсем не страшную долину. Словом, как нам казалось, машина кружит на одном месте.

Стучим изо всех сил по крыше кабины, чтобы остановить вездеход. Наконец, останавливаются.

Юра спрыгивает вниз и начинает яростно ругаться с водителями, которые совершенно потеряли человеческий облик. К тому же во время движения они еще и подрались, так что один из них был в крови.

В отличие от бесстрашного Юры, я повел себя совсем иначе: я испугался и в то же время понял, что криком от этих мужиков, которые привыкли и к ругани начальства, и к постоянному крутому мату, ничего не добьешься. Я стал их уговаривать ехать именно в Кировск, взять нужное направление движения. Конечно, эти жалобные уговоры были столь же безрезультатны, сколь и Юрин крик. Но Юра по крайней мере действовал, а не только ругался с водителями: заставив их остановиться, он с компасом в руках отбежал на несколько метров вперед (чтобы металлический корпус вездехода не влиял на стрелку компаса) и стал определять направление движения. К его и моему удивлению, оказалось, что смертельно пьяные водители ехали правильно...

Пример Юриной непримиримости – из более близкой всем нам «окололингвистической» действительности.

В середине 60-х годов одна из наших коллег защищала в Институте русского языка докторскую диссертацию. После защиты было застолье, звучал магнитофон, и вот этот магнитофон «Днепр» (с которого раздавались песни Булата Окуджавы и Александра Галича), довольно тяжелый, надо было после банкета доставить в один дом, который хотя и был недалеко от Института, но всё же не рядом. Один из гостей, известный и успешный человек, был с машиной. Он предложил отвезти магнитофон на машине. Но Юра, который давно не любил этого человека (и было, за что), не позволил ему это сделать. Он взял магнитофон - а «Днепр», если кто еще помнит, представлял собой весьма увесистый ящик, - взвалил его себе на плечо и понес. Машина ехала рядом, человек за рулем уговаривал Юру прекратить эту бессмысленную, с его точки зрения, акцию. Но Юра был неумолим и непримирим. Так и донес магнитофон до нужного дома.

Я хочу закончить вот чем.

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим замечательным человеком, которого я знаю вот уже в течение более шестидесяти лет, которого почитаю как старшего

брата и люблю как близкого друга.

Л. П. Крысин, 03 февраля 2020 г., выступление на международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Юрия Дерениковича Апресяна.

«ИНФОРМЭЛЕКТРО»

В конце декабря 1972 года меня вызвал к себе директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин. Он в который уже раз начал уговаривать меня отказаться от подписей в защиту несправедливо осужденных и покаяться. Но увидев сразу, что эта его попытка не встречает у меня понимания, напрямик заявил, что на предстоящем заседании ученого совета меня не утвердят в должности младшего научного сотрудника (хотя я уже семь лет был кандидатом наук).

Не дожидаясь заседания ученого совета, я 7-го января 1973 года уволился, а на следующий день, 8-го, пришел в НИИ «Информэлектро» и начал там работать в отделе, который назывался «Отдел сложных информационных систем» и которым руководил Борис Румшицкий.

В штате этого института уже был Юра Апресян, которого весной 1972-го года не переаттестовали на ученом совете Института русского языка в должности младшего научного сотрудника (а он был кандидат наук, и у него уже были опубликованы две новаторские книги, которые почти одновременно с их выходом у нас были опубликованы в переводе на несколько иностранных языков). Не переаттестовали Апресяна за то, что он публично выступал против несправедливого суда над Ю. Даниэлем и А. Синявским, над А. Гинзбургом и Ю. Галансковым, что на требование дирекции Института русского языка покаяться, признать свое поведение ошибочным Апресян отвечал аргументированным отказом.

Юра был «первооткрывателем» «Информэлектро». Обладая даром спокойного и доказательного убеждения кого бы то ни было в том, в чем сам Юра был уверен, он смог убедить директора «Информэлектро», замечательного, независимого человека Сергея Глебовича Малинина, в пользу для престижа института, если в нем начнет разрабатываться программа автоматического перевода французских технических текстов на русский язык.

Добро на такую разработку было получено, и в отделе появились наши друзья-лингвисты: Лёня Иомдин, в недавнем прошлом аспирант Апресяна, Игорь Богуславский, Володя Санников, работавший, как и мы с Юрой Апресяном, до этого в Институте русского языка^{4*}, математик Таня Коровина, более молодые, чем мы, Саша Лазурский и Лёня Митюшин. А Лёня (еще один Лёня!) Цинман – математик, в дальнейшем обеспечивший реальную работу системы машинного перевода, уже работал в отделе до появления нашей группы лингвистов. О Лёне Цинмане еще – немного дальше.

Наш отдел занимал в здании «Информэлектро» три помещения. В двух из них на втором этаже располагались сотрудники. Нашей группе принадлежали две небольшие комнаты, а в еще одной комнате на том же этаже работали зав. отделом Боря Румшицкий и несколько человек, в основном женщины, предмет служебной занятости которых так и

^{4*} Еще один человек - Наташа Еськова, так же и по тем же причинам, что и мы с Юрой, вынуждена была уйти из Института русского языка и перейти (думаю, благодаря Апресяну) в «Информэлектро». Но она работала в другом отделе и не имела отношения к разработке системы французо-русского технического перевода. 11 февраля 2024 года Наташа – Наталья Александровна Еськова, блестящий и тонкий исследователь русского языка, - скончалась на 95-ом году жизни.

остался для меня загадкой. Помню одну красивую девушку, у которой были большие глаза и выдающаяся грудь; она имела два прозвища: «Глазунья» и «Грудинка».

Там же было место служебного присутствия еще двух далеко не тривиальных личностей – Вити Алышванга и Феликса Скляринского; они оба были нашими друзьями и участниками всех наших предприятий, связанных как с работой, так и с вольным времяпрепровождением (вроде вечеринок и походов).

На первом этаже здания института находилась ПОДАРЕННАЯ (!) французами электронно-вычислительная машина (напомню: это было начало 70-х годов, о слове «компьютер» еще не могло быть и речи). ЭВМ занимала всё пространство пятидесятиметрового зала, и на ней, под руководством Цинмана, происходили все эксперименты, касавшиеся начатой нами работы по программе автоматического перевода технических текстов.

Надо особо сказать об атмосфере работы и общения друг с другом в нашей «машинной» группе. Это была атмосфера и серьезных обсуждений, и изысканных шуток, и, как бы висевшая в воздухе, атмосфера интеллектуального блеска и нетривиальных решений. К слову сказать, именно здесь, в той комнате, где работали Апресян, Богуславский, Иомдин, я, иногда появлялись такие наши друзья из других институтов, как Игорь Мельчук, Юра Мартемьянов, Алик Жолковский, Алексей Гладкий. Здесь прошли первые заседания основанного Апресяном семинара, которые были регулярны, и сам этот уникальный семинар просуществовал до наших дней и насчитывал более шестисот заседаний!

Разумеется, наша жизнь не ограничивалась служебной работой. Была еще работа на овощных базах, на уборке картошки, на разгрузке вагонов с капустой, арбузами и прочим. А однажды несколько человек из нашего отдела, в том числе Юра Апресян, работали в колхозе и занимались квашением капусты. Апресян, стоя в глубокой яме в специальных сапогах, уминал заквашиваемую в большом чане капусту, как вдруг сверху раздался голос запыхавшейся служащей из правления колхоза: - Апресяна срочно вызывает академик Берг! Юра вылез из ямы, отправился в правление, где переоделся, и поехал на совещание к академику Бергу.

Как и в любом слаженном и сдружившемся сообществе были в нашей «машинной» группе (и ее окрестностях) праздники: коллективно отмечали дни рождения, организовывались вечера, на которых отмечались те или иные успехи членов группы. Обычно я приходил с гитарой и пел Окуджаву - практически все его песни, иногда Галича: «Облака», «Леночку», «Тонечку», «Балладу о прибавочной стоимости», «Черновик эпитафии», «Мы похоронены где-то под Нарвой...», «Уходят друзья» ... Были и походы. Но не такие массовые и многолюдные, какие организовывал Игорь Мельчук.

Ах, какое славное это было время! ...

Теперь – обещанное о Лёне Цинмане.

Лёня был «морж». Моржеванием он занимался в бассейне рядом с метро «Парк культуры». Лёня предложил мне попробовать этот вид плавания, которое называется зимним, и уговорил председателя моржовой секции отставного полковника Александра Ивановича Колгушкина зачислить меня в эту секцию. Зачисление состоялось.

Занятия проходили два раза в неделю и начинались в семь часов утра. Мне, жившему в Люберцах (где и сейчас я живу), приходилось вставать в половине шестого, чтобы приехать в бассейн к началу занятий. Занятия состояли из четырех этапов: 1) – что-то похожее на гимнастику – в зале; 2) плавание «на дорожке», то есть в обычной, не

холодной воде – минут 15-20; 3) построение группы на территории бассейна - в какую бы то ни было погоду! – и выслушивание разглагольствований Колгушкина на разные темы – в течение 15 минут; 4) «майна».

Майна – это гвоздь моржовой программы. Она представляла собой вырытый в земле небольшой глубокий круглый пруд диаметром 7-8 метров. В нем постоянно была вода и была она, естественно, замерзшей. Назначавшиеся каждый раз двое дежурных заранее разбивали лед, освобождая «майну» для плавания, и мы по очереди погружались в ледяную воду и плыли по кругу. Я выдерживал до минуты, кто-то больше, кто-то меньше. Но в целом этот комплекс упражнений придавал невероятную бодрость.

Была еще одна форма закаливания организма. Она сочетала финскую баню, в которой температура могла достигать до 120-130-ти градусов, и либо плавание в ледяной воде, либо – если водоема поблизости не было – кувыркание в снегу.

Как-то сама собой, из взаимной симпатии друг к другу образовалась небольшая группа из числа моржей. И я до сих пор помню, насколько мы были едины или по крайней мере близки во мнении обо всём, происходившем в стране. Кто же были эти люди, чьи имена я помню до сих пор? Два бывших фронтовика: Андрей Иосифович, самый старший в группе (не знал и не знаю его военного звания), и отставной полковник Илья Семенович Африн, балагур и остролов, Лев Абрамович Малкин, в прошлом инженер, а в эпоху моржевания – пенсионер, Виктор Иванович Лебедев, преподаватель Горного института. Ну, и мы с Лёней Цинманом. Возможно, кого-то забыл, а напомнить мне об этом уже никто из них не может: все ушли...

Помню случай, когда мы группой в 6-7 человек выскочили из бани и закопались в снег. Из открытой форточки стоявшего поблизости дома выглянула женщина, которая поинтересовалась, не влияют ли такие кувыркания на ... Она произнесла не вполне литературное слово, которое мгновенно было нами понято. И один из нас, - это был далеко не юный Илья Семенович Африн, - предложил женщине прямо тут убедиться, что все системы, включая ту, которая ее интересовала, работают у нас как надо.

Возвращаясь к теме «Информэлектро». В начале 80-х годов Юра Апресян предпринял попытку всю возглавляемую им группу, занимавшуюся машинным переводом, сделать частью «большой академии», то есть частью штатного состава какого-либо института Академии наук СССР. И эта попытка удалась! Но сколько времени, нервов, аргументов (главный аргумент: группа уже имела *работающую* систему автоматического перевода технических текстов) потребовалось от Юры, чтобы академическое начальство дало добро на переход группы в Институт проблем передачи информации и на формирование Лаборатории компьютерной лингвистики во главе с Ю. Д. Апресяном.

Меня в этой группе уже не было. Примерно году в 1982-ом я выразил Юре^{5*} свое желание уволиться из «Информэлектро» и заняться обычной лингвистикой и в особенности социолингвистикой, которой уже и занимался, так сказать, параллельно,

^{5*} Надо объяснить, почему взрослого немолодого человека я в этом тексте постоянно называю Юрой. Я был знаком с ним с 1960-го года, когда Юрий Дереникович Апресян перешел из Института иностранных языков, в котором он был преподавателем, на работу в Институт русского языка АН СССР (а я в этом институте уже работал с 1958-го года). Мы с ним называли друг друга по именам и довольно быстро сдружились. Дружба наша длилась шестьдесят четыре года. В течение этого времени Ю. Д. Апресян прошел путь от младшего научного сотрудника до действительного члена Академии наук СССР и стал известен не только в нашей стране, но и в мире как выдающийся ученый, глава Московской семантической школы, автор талантливейших и глубоких работ по лингвистике.

К великому нашему горю, 12-го мая 2024 года Ю. Д. Апресян скончался на 95-ом году жизни.

работая в «Информэлектро». Я немного опасался, что Юра сочтет мой уход предательством. Но он отнесся к моему желанию с пониманием, и через некоторое время, в 1983-м году, я был зачислен в штат отдела социалингвистики Института языкознания АН СССР (как-нибудь отдельно напишу о том, чего реально стоило мне это зачисление).

Институт «Информэлектро», как написано в интернете, был ликвидирован в 1989 году.

18 мая 2024 года, Люберцы.

К Читаниям памяти Юрия Дерениковича Апресяна, 13 февраля 2025 года

Л. П. Крысин

У Бориса Пастернака есть стихотворение, которое начинается так:

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути ...*

Эти слова великого поэта очень подходят к характеристике Юрия Дерениковича Апресяна как ученого и человека. Он во всём стремился дойти до сути изучаемых им языковых явлений, не оставляя недосказанности, не упуская никаких трудных для анализа языковых явлений. Это четко проявилось уже в начале его творческого пути – например, в книгах «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966) и «Экспериментальное исследование семантики русского глагола» (1967), в опубликованных им статьях 60-ых – 70-ых годов прошлого века.

Но особенно показательна в этом отношении его главная, как я считаю, работа – «Лексическая семантика. Синонимические средства языка». Достаточно внимательно прочитать в этой книге любую главу, чтобы убедиться в глубине и точности анализа того или иного языкового явления и в исчерпывающей полноте его описания.

Нельзя не упомянуть, какие трудности были у Юры с публикацией этого исследования. Он сам хорошо описал эти трудности в предисловии ко 2-ому изданию «Лексической семантики». Тем, кто не читал это предисловие, советую прочитать: там изложена своего рода детективная история, сопровождавшая путь главной книги Апресяна к ее изданию.

Суть была в том, что тогдашнее руководство Института русского языка (в лице директора Филина и партийного бюро этого института) делало всё, чтобы эта книга не была опубликована. Почему? За что такая немилость? За то, что автор книги позволил себе не соглашаться с несправедливым советским судом, который преследовал инакомыслящих. Апресян публично заявлял о своем несогласии. И не отступил с этой своей позиции, несмотря на репрессии со стороны руководства Института русского языка.

Весной 1972-го года Юрий Дереникович Апресян был уволен из Института по решению ученого совета с формулировкой: «как не прошедший аттестацию в должности младшего научного сотрудника». Замечу, что этот младший научный сотрудник имел уже

две опубликованные монографии, которые были переведены на несколько иностранных языков.

Рукопись «Лексической семантики» в издательстве «Наука» якобы потеряли, хотя она была сдана в печать в 1970-ом году и включена в план изданий. По сохранившейся плохо пропечатанной четвертой машинописной копии рукописи этой выдающейся книги автор восстановил текст, и в 1974-ом году она была опубликована. На подаренном мне экземпляре Юра написал: «Дорогому другу Лёне на память о тех славных временах, когда мы еще не были электромонтёрами».

Надо пояснить шутовское «не были электромонтёрами»: уволенный Филиным Аapresян смог найти работу в ведомственном институте «Информэлектро». Вместе с ним и по его предложению с января 1973-го года начал работать там и я. Меня, а также и некоторых других «подписантов» - так называли тогда тех, кто выступал в защиту несправедливо осужденных правозащитников, - администрация Института не хотела видеть в числе сотрудников Института и увольняла или вынуждала уволиться.

Я хочу закончить свое выступление тем, что мы вместе с Игорем Богуславским и Лёней Иомдиным написали в некрологе Юрия Дерениковича Аapresяна:

«В его лице наука потеряла не только гениального лингвиста, глубокого исследователя русского языка, но и человека высокой интеллектуальной и нравственной культуры».

Ю. Д. АПРЕСЯН И КГБ

Знаете ли Вы короткую историю про Ю. Д. Аapresяна и КГБ?

Она такова.

В шестидесятые годы XX века на 3-м этаже здания, в котором и сейчас помещается Институт русского языка, на все отделы (тогда они назывались секторами), находившиеся на этом этаже, существовал один телефон. Аппарат вместе с трубкой висел на стене в коридоре, рядом с комнатой, в которой располагался сектор культуры русской речи (заведующий — Сергей Иванович Ожегов) и в которой работал я, а чуть дальше по коридору был сектор структурной лингвистики, где работал Аapresян. Когда раздавался телефонный звонок — он был достаточно громкий, — кто-нибудь из сотрудников либо нашего, либо Юриного сектора выходил в коридор, снимал трубку, слушал звонящего и вызывал того, кому был адресован звонок.

В один из так называемых присутственных дней, когда большая часть сотрудников Института присутствовала на своих рабочих местах, я услышал звонок в коридоре, вышел из комнаты, снял трубку и заинтересовался, кого надо позвать к телефону. Мужской голос назвал: — Аapresяна (не помню точно, но, кажется, без имени и отчества).

Я сделал несколько шагов к комнате структуралистов и позвал:

— Юр, тебя к телефону.

И вернулся к себе в сектор.

Слышу, что Юра, взяв трубку, сказал несколько слов и затем на какое-то время выслушивал звонящего молча. После примерно пятиминутного молчания Юра ответил звонившему: — Ну так если я вам нужен, приходите к нам в институт, и я отвечу на Ваши вопросы. Голос с той стороны, по-видимому, стал настаивать, потому что опять была пауза. Наконец, Юра отчетливо повторил свою фразу, добавив: — Ведь это я вам нужен, а не вы — мне.

И повесил трубку.

Удивительно, что этот телефонный разговор с гэбэшником, как мне впоследствии рассказал Юра, не имел никаких последствий.

Л. П. Крысин
19.05.2025.

Леонид Петрович Крысин — российский лингвист, специалист в области лексикологии, семантики, стилистики, лексикографии и социолингвистики. Доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.